

ман, взгляды Галинковского в отношении Тредиаковского совпадали с точкой зрения Радищева.⁶⁸

Стихovedческие заслуги Тредиаковского ценил глава «Беседы» А. С. Шишков, называвший «основателями стихотворных сочинений» Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова. Шишков сближается с Радищевым, подчеркивая, с одной стороны, ограниченность стихотворной реформы Ломоносова («имея великий дар, но последуя немецким стихотворцам, приучил нас к одним ямба»), а с другой — разнообразие стихотворных размеров, вводимых Тредиаковским («старался нам растолковать латинские хорей, дактили и анапесты»).⁶⁹

С именем Тредиаковского связана также важнейшая литературная дискуссия о русском гекзаметре, развернувшаяся на страницах «Чтений в „Беседе любителей русского слова“». В десятой книжке Галинковский поместил перевод первой эклоги Вергилия, выполненный русским гекзаметром, т. е. тем дактило-хорейским размером, которым написана «Тилемахида». В предисловии к переводу Галинковский, повторяя радищевские оценки, подчеркнул свою зависимость от Тредиаковского, мысль которого «о введении у нас древнего размера не переставала быть великою, прекрасною и достойною внимания наших стихотворцев».⁷⁰

Одним из наиболее значительных эпизодов литературной деятельности «Беседы» была публикация на страницах ее органа гекзаметрического перевода «Илиады», выполненного Н. И. Гнедичем, и разгоревшаяся по этому поводу яростная полемика между С. С. Уваровым и В. В. Капнистом. Свою защиту гекзаметрического перевода Уваров строит на положениях, высказанных Радищевым еще в «Путешествии». Он говорит о той отрицательной роли, которую сыграл пример Ломоносова, закрепившего своим творчеством ямба в качестве едва ли не единственного размера для русской поэзии: «... предрассудок в пользу французских писателей был так силен, что славный Ломоносов, который дал истинное бытие нашей Поэзии, следовал сам общему примеру. Он стал подражать французам и писать эпопею Александрийскими стихами <...> он был увлечен общим преубеждением, и эпоха сия решила судьбу русской поэзии».⁷¹

Как и Радищев, Уваров выступает противником рифмы: «Механизм стопосложения был бы довольно приятен, чтоб приучить ухо к вечной монотонии полустипия и рифмы <...> Когда, вместо плавного, величественного экзаметра, я слышу скудный и сухой Александрийский стих, рифмою прикрашенный, то мне

⁶⁸ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1969, с. 242—244.

⁶⁹ Шишков А. С. Разговоры о словесности. — Собр. соч. и переводов, ч. 3. СПб., 1824, с. 44, 47.

⁷⁰ Чтения в «Беседе любителей русского слова», кн. 10. СПб., 1813, с. 121.

⁷¹ Там же, кн. 13, с. 57—58.